

Малыгина Инна Юрьевна

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: К АНАЛИЗУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ НАЧАЛ В ЛИРИКЕ Д. ХАРМСА

В статье рассматривается специфика взаимодействия человека и природы на страницах лирики Д. Хармса. Основной философской позиции героя в текстах поэта-обэриута являются две мировоззренческие установки: векторная устремленность человека в небо и сращение его с землей. Узловой тезис работы - "человек в лирике Д. Хармса - центральное звено в цепи мироздания, медиатор небесной и земной стихий".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/40.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х ч. Ч. I. С. 123-126. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Среди «обыкновенных для зырян свойств» называется «способность и восприимчивость к лучшему», что, по убеждению автора, и дает надежду на «усовершенствование зырянами себя». Оценка зырянской провинции как пространства первобытного, дикого, но имеющего собственный потенциал к развитию, гармоничному движению к свету знания, и обуславливает оригинальность жанрового содержания произведения, выделяющегося в ряду многочисленных колониальных путешествий оригинальной аксиологией автора. Следует особо отметить, что зырянская провинция, несмотря на самоотстранение автора от нее, не возводится в статус иной культуры (иначе не был бы возможен мотив паломничества к зырянским святыням, заявленный в самом начале произведения), а лишь помещается в иерархическую модель «раньше-позже».

Вне сомнения, «Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению» А. Попова обращены к традиции русского литературного путешествия. Обратим внимание: первые публикации произведений коми-зырянских авторов в печати приходятся на 1840-е годы, период укрепления в русской литературе принципов «натуральной школы». Известно, что ее поэтика «складывалась под влиянием задачи как можно более полного изучения и описания действительности, среды. Ориентация на достоверность, «проникновение научной методологии в работу художника, когда вымысел и полет фантазии уступают первенство наблюдению, сбору материала, его анализу, классификации» [Видуэцкая 1997: 7] стали почвой для появления массовой документально-литературной продукции, расширявшей представления соотечественников о своих, и в то же время «дальних землях». Эта родниоведческая модель нарративов, в том числе путевых жанров, и дала толчок творчеству провинциальных литераторов, имевших непосредственную возможность дать наиболее адекватное описание этих самых «дальних земель». В то же время, проделанный нами анализ позволяет судить о том, что жанр познавательного травелога в его региональном, областном варианте имел свою специфику, обусловленную особой аксиологией писателя-провинциала, в свете которой литературное открытие дальних земель сопровождалось осознанием ценности народов, их населяющих.

Список использованной литературы

1. Видуэцкая, И. П. Введение / И. П. Видуэцкая // «Натуральная школа» и ее роль в становлении русского реализма. - М.: «Наследие», 1997. - С. 3-8.
2. Попов, А. Путевые заметки от Усть-Сысольска к Вишерскому селению / А. Попов // Вологодские губернские ведомости. - 1848. - № 10-12.
3. Премудрый, Е. Житие Стефана Пермского (подготовка древнерусского текста Т. Ф. Волковой, О. Б. Рыбаковой, перевод Г. М. Прохорова) / Е. Премудрый // Святитель Стефан Пермский. Сер. «Древнерусские сказания о достопамятных людях, местах и событиях». - СПб.: «Глагол», 1995. - С. 50-263.

ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА: К АНАЛИЗУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ДВУХ НАЧАЛ В ЛИРИКЕ Д. ХАРМСА

*Малыгина И. Ю.
Ставропольский государственный университет*

Статья рекомендована к публикации д.ф.н., проф. Бронской Л. И. и к.ф.н., доц. Фокиным А. А.

В статье рассматривается специфика взаимодействия человека и природы на страницах лирики Д. Хармса. Основой философской позиции героя в текстах поэта-обэриуэта являются две мировоззренческие установки: векторная устремленность человека в небо и сращение его с землей. Узловой тезис работы - «человек в лирике Д. Хармса - центральное звено в цепи мироздания, медиатор небесной и земной стихий».

«Единство литературного героя - не сумма, а система, со своими организующими ее доминантами... Нельзя, например, понять и воспринять в его структурном единстве поведение героев Золя без механизма биологической преемственности или героев Достоевского без предпосылки необходимости личного решения нравственно-философского вопроса жизни», - таковы мысли Л. Я. Гинзбург относительно целостности героев в художественной действительности [Гинзбург 1979: 90]. Действительно, интерпретируя модель человека или концепцию личности в художественном тексте только на основе внешнего проявления персонажа (портрет, поведение, жесты, черты наружности, имя, вещное окружение), мы приходим к ряду значимых выводов, однако такой подход может привести нас к одностороннему взгляду на героя, что в результате не позволит нам познать саму суть субъекта исследования.

Человек существует в контексте: социальном, культурном, политическом, философском и т.д. Его целостность подвластна анализу только с позиции учета всей совокупности его особенностей, специфики и мировоззренческих установок. В литературном произведении внутренняя жизнь, интенции самого героя являются зачастую главным объектом исследования, раскрывая которые становится понятен более широкий содержательный план художественного текста.

В. Е. Хализев едва ли не главным аспектом в теории субъектной организации текста выделяет тот момент, что персонаж имеет в составе произведения значимость самостоятельную, независимую от сюжета (событийного ряда): он выступает как носитель стабильных и устойчивых (порой, правда, претерпевающих изменения) свойств, черт, качеств. Каждый герой имеет ядро личности (термин М. М. Бахтина), доминанту (определение А. А. Ухтомского), свою ценностную ориентацию. Сознание и поведение людей могут быть

направлены на ценности религиозно-нравственные, собственно моральные, познавательные, эстетические [Хализев 1999: 160].

Бытие героев в произведениях строится исходя из их собственных мировоззренческих установок. Раскрытие философских, религиозных, социальных, идеологических, эстетических аспектов мировосприятия персонажа позволяют рассматривать героя как завершенное целое, во всем многообразии его проявлений в художественной действительности.

Уникальными по своей природе являются в плане внутреннего выражения персонажи Д. Хармса. Его герои в художественной действительности вступают в определенные диалогические отношения с другими персонажами, имеют свою четкую мировоззренческую позицию, что, в свою очередь, и позволяет говорить нам о них как не о «абсолютно безличных и схематичных» [Кувшинов, Остроухова].

Хармсовские персонажи находятся в тесном взаимодействии с природой. Связь героев с природной стихией представлена многоуровневой системой (она проявляется во внешней организации человека, в поведенческой сфере, отражается в философской позиции персонажа). Мировоззрение героев поэта-обэриута раскрывается посредством интерпретации важнейших метафизических, онтологических, аксиологических категорий, среди которых субстанциальными являются «Бог», «Смерть» и «Время». Интерпретация двух начал бытия (человек-природа) в лирике Д. Хармса, их тесного взаимодействия определяют цель нашего исследования.

В «Истории русской литературы XX века (Первая половина)» отмечены основные характеристики художественной системы поэтов-обэриутов: алогизм, гротеск, «столкновение смыслов», конфликтность мироуклада и т.д. Но одним из центральных, на наш взгляд, является принцип «расширения» реальности, неподвластной законам разума [ИРЛ 2004: 150]. Подобное «расширение» раскрывается посредством анализа извечного философского вопроса «осмысление места и роли человека в мире, макрокосме, Вселенной».

Основой философской позиции человека в текстах Д. Хармса являются две мировоззренческие установки: векторная устремленность героев в небо и сращение их с землей. Заметим, что первая установка свойственна была не только героям поэтики Д. Хармса, но и художественным системам других представителей ОБЭРИУ (см., например, Мороз О. Н. Философский подтекст идеи Христа в поэзии Н. А. Заболоцкого конца 1920 - начала 1930-х годов // Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII-XXI веков: Материалы междунар. научной конф. - Ставрополь, 2006. - С. 158-167).

Первая философская константа подтверждается рядом текстов Д. Хармса, где герои изображаются парящими, способными летать. Как отмечает О. Буренина, путешествие героев по воздуху наиболее ярко показано в поэтике представителей театра абсурда и обэриутов [Буренина 2004: 205]. Феномену «реющего» тела О. Буренина посвятила статью «Реющее» тело: Абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900-1930-х гг., в которой раскрыла значимость летающих людей в искусстве начала XX в. А. Б. Устинов в комментарии к стихам Д. Хармса указала, что «одним из основополагающих мотивов в лирике Хармса конца 1920-х гг. становится мотив полета» [Устинов 1990: 81]. Ж.-Ф. Жаккар в своем обстоятельном труде по исследованию творческого наследия поэта «Даниил Хармс и конец русского авангарда» подчеркивает, что «тема победы над тяготением... чаще всего возникает в виде метафоры стремления взлететь» [Жаккар 1995: 109].

В русском фольклоре существует много легенд, согласно которым люди из-за царивших между ними постоянных драк и столкновений стали просить Бога превратить их в птиц. Желание было исполнено. Однако в произведениях Д. Хармса герои уже не просят Бога сделать их птицами, они самовольно превращаются в них. Сущность трансформации людей в птиц, согласно фольклорной традиции, заключается в том, чтобы уйти от мирской суеты в другой мир, в иную реальность, где правит спокойствие. Данное превращение дает возможность обретения свободы, перерождения из одной формы в другую.

Мотив полета является одним из самых распространенных и значимых в поэтическом наследии Д. Хармса. Это подтверждается рядом текстов: «и Варвара в камилавке / с топором летит вокруг» («Чтобы в пулю не смеяться...») [Хармс 1997 Т. 1: 116], «А дни летят как рюмочки / А мы летим как ласточки / Сверкают в небе лампочки, / А мы летим как звездочки» («Дни летят как ласточки...») [Хармс 1997 Т. 1: 267], «Ногами болтаю. / Горный воздух глотаю. / Летит мое тело» («Карпатами-горбатыми») [Хармс 1997 Т. 1: 245], «Вот и дом полетел. / Вот и собака полетела. / Вот и сон полетел. / Вот и мать полетела. / Вот и сад полетел. / Конь полетел. / Баня полетела. / Шар полетел. / Вот и камень полететь. / Вот и пень полететь. / Вот и миг полететь. / Вот и круг полететь» («Звонитьлететь (третья цисфинитная логика)») [Хармс 1997 Т. 1: 175-176].

В стихотворении «Уж я бегал, бегал, бегал...» мы наблюдаем сцену полета главного героя. Произведение построено на следующей цепочке действий: бег - полет - ходьба - купание - прыжки - отдых. В целом картина вполне приемлема для человека, подобные действия выполняемы самостоятельно, кроме одного - полета. В данном же случае тот факт, что человек взлетает в воздух, подобно птице, не выбивается из общей картины. Герой может летать сам так же легко, как и бегать, плавать, прыгать и т.д. На классический вопрос «Почему люди не летают?» Д. Хармс отвечает своими текстами, из которых ясно одно - в этом мире нет ничего невозможного: «Разбежался я подпрыгнул / крикнул Эй! / Ногами дрыгнул. / Давай ручками махать / давай прыгать и скакать. // Меня сокол охраняет / сзади ветер подгоняет / снизу реки и леса / сверху тучи-небеса» («Уж я бегал, бегал, бегал...») [Хармс 1997 Т. 3: 16].

Персонажи могут летать, прибегая при этом к помощи разных предметов. Например, классическим инструментом для полета ведьм испокон веков по воззрениям человека являлась метла. Мотив полета на метле

широко распространен как в русской литературе (русские народные сказки, Н. В. Гоголь «Вечера на хуторе близ Диканьки», В. Я. Брюсов «Огненный ангел», М. А. Булгаков «Мастер и Маргарита», Аркадий и Борис Стругацкие «Гадкие лебеди», О. Крышталъ «К пению птиц», Н. Первухина «Попробуй ее сжечь!», Л. Козинец «Полеты на метле» и др.), так и в зарубежной (И. В. Гете «Фауст», Г. Майринк «Вальпургиева ночь», З. Никос «Дети против волшебников», П. Андерсон «Операция «Луна», Дж. Роулинг «Гарри Поттер» и др.). Появление мотива полета на метле у Д. Хармса абсолютно точно определено предшествующей мировой традицией. Это подтверждается знакомством и даже увлеченностью поэта-обэриута некоторыми авторами и книгами из перечисленного списка произведений. В дневнике Д. Хармса упоминаются неоднократно перечитываемые им тексты Н. В. Гоголя, В. Я. Брюсова, И. В. Гете, Г. Майринка.

В лирике Д. Хармса метла является знаковым элементом художественной действительности (наравне с другими предметными понятиями из бытового мира: шкапом, окном, сундуком, табуретом, мячом, трубкой, колесом, камнем, водой, шаром и др.). Метла как обязательный атрибут окружающего мира фигурирует в ряде произведений: «Ну попробую по пальцам / все предметы перечесать. / (считает по пальцам) / Табуретка столик бочка / ведро кукушка печка / метла сундук рубашка / мяч кузница букашка / дверь на петле / рукоятка на метле / четыре кисточки на платке / восемь кнопок на потолке» («Откуда я?») [Хармс 1997 Т. 1: 93-94], «Уже бледнеет и светает / Над Петропавловской иглой, / И снизу в окна шум влетает, / Шуршанье дворника метлой» («Уже бледнеет и светает...») [Хармс 2003: 211], «Глянь-ка, Маня! - крикнул Ваня. - / Видишь, чучело сидит / И глазами-угольками / На метлу свою глядит...» («Дворник-Дед Мороз») [Хармс 1997 Т. 3: 72]. Мотив полета человека именно на метле встречается в произведениях «Карпатами-горбатыми», «Полете в небеса»: «Всю покорив Азию / На метле теперь несусь над Карпатами. / Треплет ветер колпак на моем затылке...» («Карпатами-горбатыми») [Хармс 1997 Т. 1: 245], «Вася взвыл беря метелку / и садясь в нее верхом / он забыл мою светелку / улетел и слеп и хром» («Полет в небеса») [Хармс 1997 Т. 1: 85].

Показательно, что герой произведения «Полет в небеса» не возвращается на землю обратно. Он застревает в небесах. Слово «застрял» в своей семантике включает значение «между» либо «в чем-то». Получается, что субъект находится в двух разных сферах - между небом и землей. Значимо также, что метла является атрибутом наземной жизни; основная ее функция - поддержание чистоты, порядка в доме, на улице. Таким образом, образ Васи на метле - это символ соединения земного и небесного миров. Метла и герой в данном случае выступают медиаторами двух топосов.

Итак, часть хармсовских героев стремится оторваться от земли и воспарить в небо. Такое желание в некоторой степени отражает философию «космизма» (но не в историко-философской трактовке данного понятия), характеризующую художественную систему Д. Хармса. На это обратил внимание В. С. Воронин, подчеркивая способность поэта-обэриута динамически «выворачивать» подземный мир в космос [Воронин 2003: 153]. Человек находится в огромном пространстве Вселенной, сопрягая в себе все бытие, соединяя собой землю и небо. Д. В. Токарев пишет: «Человек... связывается тысячами нитей со всеми частями мира, с макрокосмосом, ощущая себя участником универсальной, космической жизни, недаром Хармс помещает человека в *Узел* (выделение автора - И.М.) Вселенной» [Токарев 1996: 187].

Второй мировоззренческой установкой хармсовских героев является неразрывное существование с землей. В текстах это маркировано сращением с почвой, стремлением к соединению с нею. Данная традиция своими корнями уходит в библейскую историю, согласно которой Адам был взят из земли. В библейских притчах он - прачеловеческое «земляное существо».

В стихотворении «Ку Шу Тарфик Ананан» Ку произносит следующие слова: «нет жизни мне милее / от зверя не отвести мне глаз / меня влечет к земле руками клея» («Ку Шу Тарфик Ананан») [Хармс 1997 Т. 1: 88]. В культуре и верованиях многих народов земля считается матерью всех людей. Самые ранние культовые фигурки изображают материнские божества. Все живое рождено Матерью и питается ею. Земля, прежде всего, воплощает собой материнское начало. Отсюда идет традиция хоронить умерших в земле, ожидая их быстрого воскресения, рождения из земли. В стихотворении «Хлоп! Хлоп! Хлоп!» отражаются схожие мировоззренческие аллюзии. Героиня занимается тем, что закапывает детей в землю: «Зарывала ребятешек, / продавала огурцы...» («Хлоп! Хлоп! Хлоп!») [Хармс 2005 Т. 1: 70].

В хармсовском эстетическом мире есть герои, которые целенаправленно стремятся к единению с землей. Они закапывают свое тело или его части в почву самостоятельно, демонстрируя тем самым природное родство с землей, невозможность раздельного существования с ней: «Доктор славная Матрена / вышел в двери шестипал / бросил скучные знамена / руки в землю закопал» («Ехал доктор из далека...») [Хармс 1997 Т. 1: 96]. В произведении «Я пел...» герой проходит вертикаль всем своим телом через мироздание - он, подобно летающим героям, соединяет небо и землю: «ты в землю пяткой друг посажен / лежишь в пустыне желт и важен / заметен в небе твой лоскут / в тебе картошку запекут» («Я пел...») [Хармс 1997 Т. 1: 114].

Одной частью тела он находится в земле, другой - в небесах, замыкая собой две сферы мироздания. Таким образом, исходя из двух философских установок хармсовских героев, человек в лирике Д. Хармса берет на себя функции посредника, т.е. медиатора. Он соединяет небо с землей, и основная его задача - сохранение устойчивости мировой оси, вселенской целостности.

Итак, рассмотрев аспекты взаимодействия человека и природы, мы пришли к выводам, характеризующим философско-эстетическую позицию героев поэта-обэриута. Человек в произведениях Д. Хармса мыслит себя как часть природного мироздания. Он соединяет в себе черты животных, растений и человека. Тем самым герои проявляют себя естественными с точки зрения психофизиологического анализа. То, что кажет-

ся абсурдным, становится нормальным, следуя логике внутренней природы психики, сознания и физиологии человека - сына «натуры». Философская установка хармсовских героев двунаправлена: стремление в небо и слияние с землей. Существенен тот факт, что человек в художественном наследии поэта мыслится центральным звеном в цепи мироздания, выступает медиатором между небесной и земной стихией.

Список использованной литературы

1. **Буренина О.** «Реющее» тело: абсурд и визуальная репрезентация полета в русской культуре 1900-1930-х гг. // Абсурд и вокруг: Сборник статей. - М.: Языки славянской культуры, 2004. - С. 188-241.
2. **Воронин В. С.** Взаимодействие фантазии и абсурда в русской литературе первой трети XX века: символисты, Д. Хармс, М. Горький. - Волгоград: Изд-во ВГУ, 2003. - 294 с.
3. **Гинзбург Л. Я.** О литературном герое. - Л.: Советский писатель, 1979. - 222 с.
4. **Жаккар Ж.-Ф.** Даниил Хармс и конец русского авангарда / Пер. с франц. Ф. А. Петровской. - СПб.: Академический проект, 1995. - 472 с.
5. **История русской литературы XX века. Первая половина:** Учебник для вузов: В 2 кн. - / Под. ред. Л. П. Егоровой. - Ставрополь: Изд-во СГУ, 2004. - Кн. 1: Общие вопросы. - 318 с.
6. **Кувшинов Ф. В., Остроухова Е. Н.** Сон и явь как ТО и ЭТО у Д. И. Хармса. - <http://xarms.lipetsk.ru/texts/kuv7.html>.
7. **Токарев Д. В.** Апокалиптические мотивы в творчестве Д. Хармса (в контексте русской и европейской эсхатологии) // Россия, Запад, Восток: встречные течения. - СПб.: Наука, 1996. - С. 176-198.
8. **Устинов А. Б.** Летание без крыл жестокая забава: Стихи // Искусство Ленинграда. - 1990. - № 2. - С. 81-85.
9. **Хализев В. Е.** Теория литературы. - М.: Высшая школа, 1999. - 397 с.
10. **Хармс Д.** Все подряд: В 3 т. - М.: Захаров, 2005.
11. **Хармс Д.** Лирика. - Минск: Харвест, 2003. - 480 с.
12. **Хармс Д.** Полное собрание сочинений: В 4 т. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. В. Н. Сажина. - СПб.: Академический проект, 1997-2001.

ИЗУЧЕНИЕ КОНЦЕПТОСФЕРЫ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ КАК ФАКТОР СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

*Михалёва Е. В., Тюрина И. И.
Томский политехнический университет*

Статья рекомендована к публикации к.ф.н., доц. Куриковой Н. В. и к.ф.н. Красман В. А.

В статье излагаются методология, принципы организации и преподавания нового (в рамках изучения русского языка как иностранного) интегрированного блока дисциплин «Концептосфера русской культуры», направленного на то, чтобы сформировать у иностранных студентов представление о русской картине мира, русском менталитете, с опорой на анализ концепта обучить их механизмам декодирования аутентичных текстов и феноменов культуры.

Изучение иностранного языка в современном мире обусловлено необходимостью решения, как минимум, двух взаимосвязанных задач: во-первых, задаче языковой подготовки и, во-вторых, задаче формирования профессиональной компетенции. Если вторая выступает в качестве мотива деятельности, то первая рассматривается, прежде всего, как фактор развития познавательной, социально-культурной активности и, в конечном счёте, профессиональной состоятельности инофона. Последнее невозможно без постоянного совершенствования языковых навыков, обеспечивающих высокий уровень коммуникативной компетенции во всех сферах общения.

Стратегическая цель образовательной деятельности преподавателей РКИ ИМОЯК ТПУ - формирование аутентичной дискурсивной компетенции, то есть способности выстраивать адекватную речевую стратегию в определённой коммуникативной ситуации. Для достижения поставленной цели в повседневной преподавательской практике необходимо, во-первых, последовательно развивать такие направления работы, как организация динамики речемыслительной (по принципу «репродуктивная/продуктивная») и коммуникативной деятельности, когда реактивная модель речевого поведения трансформируется в активную модель с возможной адекватной коммуникацией в соответствии с ситуацией, задачей и социальным статусом; и, во-вторых, расширять как сферу общения от социально-бытовой до научно-профессиональной и общекультурной, так и репертуар языковых средств, жанров, стилей.

Одним из наиболее плодотворных путей реализации поставленных цели и задач представляется изучение концептосферы русской культуры, понимаемой как глобальное концептуальное единство, совокупность концептов, благодаря которым формируется картина мира носителя (в данном случае, русского) языка.

В 2007-2008 учебном году на кафедре русского языка как иностранного Института международного образования и языковой коммуникации Томского государственного университета для студентов и аспирантов продвинутого уровня владения русским языком впервые преподаётся интегрированный блок дисциплин под общим названием «**Концептосфера русской культуры**», рассмотрение концептов в рамках которого направлено главным образом на выявление отличительных черт русского языкового этноса как носителя языка, выявление его этнокультурных особенностей.